

"ПОВОРОТ К ПРАВДЕ"

Прошло всего только три года, но это были три тяжелых и бурных года его петербургской жизни. Многого достиг за это время Некрасов. Это был уже не тот провинциальный юноша, каким он когда-то явился в столицу. Он стал теперь профессиональным литератором, журналистом, известным во многих редакциях. Его знали как водевилиста, близкого к театральной среде, как сотрудника "Пантеона" и "Литературной газеты", не последних столичных изданий, противостоявших реакционной булгаринской прессе.

Материальное положение Некрасова значительно улучшилось к этому времени благодаря работе у Кони. Правда, улучшение это было весьма относительным, и в промежутках между получениями заработанных денег он постоянно нуждался. А Кони не слишком торопился расплатиться со своими сотрудниками. Тем не менее ценой бессонных ночей, напряженного труда Некрасов имел теперь возможность заработать достаточно денег, чтобы осуществить, например, давно задуманную поездку домой.

В письмах к сестре Елизавете он уже не раз обещал побывать в родных местах, а в июле 1841 года сестра позвала его приехать на свою свадьбу. Некрасов в это время читал корректуры в редакции "Пантеона" по просьбе уехавшего в Москву Федора Алексеевича. Теперь, собравшись в Ярославль, он посылал в Москву своему шефу просьбу за просьбой, уговаривая выслать ему деньги, необходимые для поездки.

"Мне ужасно нужны деньги, - писал Некрасов 18 июля 1841 года. - К отъезду домой надо сделать себе платье. - Вы, верно, с этим согласны, надо купить, по российскому обычаю, подарок сестре, надобно доехать на что-нибудь, надо туда привезти что-нибудь, потому что с родителя моего взятки гладки. А потому, командир, как Вы меня обязали, когда бы сверх выше писанных 410 рублей {Речь идет о заработанных Некрасовым деньгах.} прислали мне еще рублей полтора. Уж как бы я Вам был благодарен. Я бы Вам за это отдал две мои пьесы в "Пантеон"... Кроме того, я бы служил Вашей "Литературной газете" повестями и статьями сколько угодно и до зимы уж не требовал бы с Вас ни копейки денег..."

Заканчивая свою просьбу, Некрасов шутливо прибавил: "Я буду вечно за Вас бога молить, когда мне придется охота молиться".

В самом конце июля Некрасов выехал из Петербурга домой, в Грешнево, должно быть так и не получив денег от Кони. Дома его ждало великое горе: вместо свадьбы сестры он попал на похороны матери. 29 июля 1841 года Елена Андреевна умерла, замученная своей тяжелой, страдальческой жизнью. Ее похоронили на погосте Абакумцево, в трех верстах от Грешнева, в церковной ограде.

Он долго пробыл в родных местах - почти до конца года. Позднее, в поэме "Мать", он так вспоминал об этом своем пребывании в Грешневе:

Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив - приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу -
Все те же вы - и нивы, и народ...
И та же все река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.

По немногим сохранившимся письмам Некрасова к Кони можно заключить, что, живя дома, он довольно много работал. Он успел написать здесь большую повесть, драму в четырех актах, водевиль. В одном из его писем (от 25 ноября 1841 года) содержится такое признание: "Потеряв надежду на постоянную работу {Кони ответил отказом на предложение Некрасова о

постоянном сотрудничестве; отношения их в это время складывались не очень гладко и близились к разрыву.}, я тороплюсь наготовить разных произведений, которые можно было бы продать поштучно для выручки денег на содержание своей особы". Как видно, в конце 1841 года период литературной поденщины и материальных затруднений далеко еще не кончился.

В письмах Некрасова нет ни слова о том, как пережил он смерть матери, каковы были в эту пору отношения с отцом. Мы узнаем из этих писем только одно: жизнь в отцовской усадьбе пробудила в нем неутолимую страсть к охоте, возникшую еще в детские годы; теперь он с увлечением ей отдался, попав в родные леса и поля после трехлетнего отсутствия.

К тому же он встретил здесь старых своих деревенских приятелей, товарищей детских игр, и с ними разделял охотничьи труды и забавы. Должно быть, по этой причине он и задержался так надолго в деревне. В конце ноября Некрасов писал Кони: "... Теперь последнее время порож, и я с утра до вечера на поле, - травлю и бью зайцев... Это моя страсть, в этом занятии я провел все время пребывания здесь; в городе был не больше трех дней". Тем не менее в декабре он уже был в Петербурге.

* * *

В одном из автобиографических набросков, сделанных Некрасовым в конце жизни, сохранилась конспективная запись, относящаяся к первой половине 40-х годов: "Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, критических статей Белинского, Боткина, Анненкова и др.". Этими лаконичными словами - поворот к правде - Некрасов точно определил целый этап своей творческой биографии: переход от неопытности к зрелости, от ученичества к мастерству и связанное с этим осознание правды как подлинной основы художественного творчества.

Подготовке этого "поворота к правде" более всего способствовали, конечно, критика и публицистика Белинского, под идейным влиянием которого Некрасов сформировался как писатель, принадлежащий к натуральной школе - передовому реалистическому направлению в литературе 40-х годов; оно развивалось под непосредственным влиянием Гоголя. Что же касается В. П. Боткина и П. В. Анненкова, то, называя их рядом с Белинским, Некрасов, по-видимому, имел в виду не столько их критические статьи (Анненков выступил как критик позднее, преимущественно в 50-е годы), сколько их идейную близость к Белинскому в то время, когда эти просвещенные и талантливые литераторы играли значительную роль в его кружке.

Многие писатели, выступившие в 40-е годы, и среди них Некрасов, нашли опору своим стремлениям к правде в искусстве, к социальной справедливости в творчестве Гоголя и потому признали его своим учителем. По той же причине и Белинский стал страстным пропагандистом Гоголя. Он объяснял в своих статьях современное значение "Миргорода", "Ревизора" и "Мертвых душ", доказывал необходимость продолжать и развивать художественные принципы, открытые Гоголем.

Но молодые таланты, к которым обращался Белинский, проявили себя по-разному. Одни из них ненадолго и едва ли не случайно примкнули к новому литературному движению (тем не менее "Полинька Сакс" А. В. Дружинина и "Тарантас" В. А. Соллогуба заняли заметное место среди произведений тех лет). Другие внесли в него скромный вклад своими "физиологическими" очерками и рассказами (В. И. Даль, Е. П. Гребенка, Я. П. Бутков и др.). Наконец, третьи вскоре стали известны как писатели, силами которых отечественная литература поднялась на новую ступень и выросла неизмеримо; но в 40-е годы эти воспитанники гоголевской школы выступили только с первыми значительными сочинениями: Тургенев с рассказами из "Записок охотника", Герцен с повестью "Кто виноват?", Достоевский с "Бедными людьми", Гончаров с "Обыкновенной историей", Григорович с "Деревней" и "Антоном Горемыкой".

Литературное направление, рожденное самим временем, в борьбе завоевывало свои позиции. Вся охранительная печать во главе с Булгариным ополчилась против новой школы и ее вдохновителя - Гоголя. В чем только не обвиняли их литературные мракобесы! И в отсутствии таланта, и в подражательности, и в односторонности, и, конечно, в прямой клевете

на действительность. Погодинский "Москвитянин" усердно старался создать впечатление, что произведения писателей гоголевской школы бесцветны и скучны, что влияние ее ничтожно и что она должна исчезнуть так же скоро, как возникла.

"Положим, что все это справедливо, - резонно возражал на это Белинский в своем ответе "Москвитянину", - но в таком случае из чего же вы горячитесь, зачем беспрестанно пишете о натуральной школе... Стоит ли толковать о пустяках, о вздоре, - словом, о литературных произведениях, которые клеветают на общество... о литературных произведениях, чуждых всякого достоинства, не ознаменованных талантом, способных наводить только скуку и потому самому безвредных и ничтожных, несмотря на ложное их направление?"

Белинский безошибочно уловил и язвительно высмеял это "странное противоречие", впрочем, легко объяснимое тем, что противники натуральной школы поняли ее силу и пытались любыми средствами скомпрометировать ее в глазах читателей. А приверженцы школы охотно приняли из рук врагов свое название, придуманное в качестве пренебрежительной клички. Это название как нельзя лучше определяло пафос литературного направления, сделавшего своим девизом верность жизненной правде, природе, натуре.

Материалом творчества новых писателей явилась прежде всего жизнь социальных низов, нищета углов и подвалов, противоречия бедности и богатства. Героями новой литературы были мелкие чиновники, крепостные крестьяне, бедные художники, швеи, шарманщики, извозчики, дворники, мастеровые и другие люди "низкого звания". Вместе с ними вошел в литературу целый мир новых чувств и мыслей, незнакомых ей прежде.

Некрасов, безраздельно примкнувший к гоголевской школе, также выступил с произведениями в духе нового направления: это были не только стихи, какие он сам считал началом своей поэтической деятельности, не только очерки и рассказы, - это были также статьи, рецензии и фельетоны, в которых молодой критик защищал принципы натуральной школы. Он явился активным союзником Белинского.

* * *

Уже в первых своих выступлениях на литературные темы в изданиях Кони - "Пантеоне" и "Литературной газете" Некрасов заявил себя противником болгаринской "Северной пчелы"; новый сотрудник оказался куда более непримиримым в своей отрицании реакционных направлений в журналистике, чем сам издатель "Литературной газеты".

Правда, на первых порах среди антиболгаринских выступлений Некрасова преобладали зазор и колючие выпады. Например, в январской "Летописи русского театра" за 1841 год, которую он вел в "Пантеоне", мы читаем: "Шекспиру так же трудно было написать дурную пиесу, как автору "Ивана Выжигина" - хорошую". "Иван Выжигин" - это название известного тогда романа Булгарина, а также водевиля, состряпанного сотрудником "Северной пчелы" Межевичем. Об этом водевиле рецензент "Пантеона" отозвался как о "нелепейшем произведении литературы русской". Кстати, он провалился на первом же представлении. С течением времени критические суждения Некрасова приобретали большую доказательность, полемическую глубину и определенность, захватывали более широкий круг общественно-литературных вопросов. Не потому ли Кони и начал постепенно сокращать активность своего молодого сотрудника: его взгляды казались ему слишком резкими.

Однако критические и театральные обозрения Некрасова заметно оживляли довольно вялые издания Кони и, по-видимому, пользовались успехом у публики. Автор этих обозрений показал себя прирожденным журналистом. Несмотря на небольшой еще опыт, он умело вел легкий и непринужденный разговор с читателем, прибегая то к шутке, то к каламбуру, то просто к насмешливо-иронической интонации, широко пользуясь приемами фельетона, памфлета, даже очерка. Эта свободная манера, почти забытая позднее, позволяла рецензенту заинтересовать читателя и в одном небольшом обозрении коснуться множества пьес, спектаклей, актеров.

В массе разнообразных статей и рецензий, написанных Некрасовым, - теперь они составляют целый том в полном собрании его сочинений, - отчетливо выделяются главные линии его критической работы: борьба с реакционно-охранительной литературой, разоблачение защитников "официальной народности", казенного лжепатриотизма, критика старомодного эпигонского романтизма и в конечном счете защита принципов натуральной школы. В первых своих рецензиях Некрасов высмеивает псевдоисторические повести К. Масальского (статья "Сто русских литераторов") и М. Загоскина ("Кузьма Петрович Мирошев"). Книгу "Человек с высшим взглядом", сочинение некоего Е. Г., он осуждает за то, что "в нем не найдете вы характеров, в нем нет современной жизни, нет картин действительности, в нем только покушения на изображение действительности". Несколько страниц, проникнутых язвительной иронией, он посвящает книжонке "Русский патриот", наполненной восторженными и высокопарными стихами.

От статьи к статье Некрасов заметно растет как критик. Не осталось и следа от прежних наивных представлений о литераторах, перед которыми должно преклоняться. Теперь он уже знает, что Николай Полевой, к которому всего несколько лет назад с замиранием сердца носил он свои первые стихи, сотрудничает в болгаринских изданиях, что этот когда-то известный журналист и критик давно простился с былым либерализмом "Московского телеграфа". Полевой теперь сделался драматургом; обнаружив необычайную плодовитость, он изготовлял одну за другой весьма слабые монархические пьесы. Затем он выпустил двухтомное собрание драматических сочинений. Вот этим-то изданием и заинтересовался Некрасов. Он напечатал в "Литературной газете" критический памфлет, в котором весьма сурово обошелся с драматургом.

Вначале он дал иронический обзор пьес Полевого, имевших успех у невзыскательной публики Александрийского театра, и пришел к такому заключению: "Достигнув, так сказать, зенита драматической славы, ... г. Полевому более ничего не оставалось, как выдать в свет собрание своих театральных вдохновений, чтобы окончательно утвердить за собою титул и славу российского Шекспира настоящей эпохи и тут же кстати дать средство своим многочисленным поклонникам, которые восхищались произведениями его поштучно, ... насладиться ими гуртом, за один присест..."

Произведения "русского Шекспира", выстроенные в один ряд по мере своего рождения, поражают необыкновенным сходством между собой, доходящим до тождественности: это как бы "одна большая пьеса, разделенная на множество картин, актов и отделений". В них нет характеров, а есть только роли, то есть одни и те же лица, но переряженные в разные костюмы и окрещенные разными именами. И дело тут вовсе не только в художественных недостатках: Некрасов тонко вскрывает истинную подоплеку этого однообразия драматургии Полевого, а попутно и его незавидной славы; он намекает на то, что казенный патриотизм и угодничество, пропитывающие его пьесы, не могут быть отправным началом искусства. Ложная идея, предвзятость приводят к сухой риторике и трафарету, лишают искусство правды и движения. Вот причина, в силу которой, например, пьеса Полевого "Солдатское сердце" "совсем не возбуждает тех чувств, которые желал, может быть, возбудить сочинитель. Зритель смотрит на нее холодно, равнодушно, недоверчиво!"

Статья-памфлет, направленная против Полевого, имела целью показать художественную беспомощность литературного направления, противостоявшего натуральной школе. Столь же важным в этом смысле было и серьезное выступление Некрасова в 1843 году против Булгарина. Две его рецензии на болгаринские "Очерки русских нравов" были напечатаны уже в "Отечественных записках".

Фаддей Булгарин - одна из самых одиозных фигур русской журналистики - еще с пушкинских времен приобрел скандальную репутацию в обществе. Известно, какое отвращение питал к нему Пушкин, как он в стихах и публицистике клеймил его в качестве доносчика ("Видок Фиглярин") и как энергично боролся против булгаринского влияния в литературе. Так же относился к нему и Гоголь. В одном из писем (от 13 мая 1838 года) он рассказывает, как однажды дерптские студенты поколотили Булгарина; Гоголь прибавляет к своему рассказу: "Этого наслаждения я не понимаю. По мне поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его".

По свидетельству современников, на Булгарина смотрели как на прокаженного; с ним избегали раскланиваться на улице, а тем более бывать в одном обществе. Были известны нечистые источники его доходов, в число которых входили не только доносы, но и мелкие поборы с фруктовых магазинов, винных погребов, - Булгарин делал им рекламу в своей газете.

Стремясь развенчать Булгарина, как писателя, который пользовался покровительством властей, Некрасов по поводу его "Очерков" писал: "Картины бледные, безжизненные, как небо от земли далеки от действительности; веселость старческая, мешковатая, любезность ребяческая, остроумие натянутое, тяжелое, аляповатое, наконец жалкие и забавные похвалы самому себе и слабые, бессильные придирки к тем, кого он почитает своими врагами, - вот элементы, из которых состоит новое произведение г. Булгарина".

Соединив в своем фельетоне критику и сатиру, Некрасов умело создал в представлении читателя отталкивающий образ рептильного журналиста, прожженного дельца. А в конце рецензии он даже ввел рассуждения о человеке, одержимом "пагубной страстью к подслушиванию, пересказам и переносам", то есть умудрился довольно определенно намекнуть на доносительскую деятельность Булгарина, как известно, связанного с Третьим отделением и в силу этого огражденного от разоблачений в печати.

Критические суждения Некрасова отвечали задачам нового литературного движения, Вернее сказать, они были частью этого движения. И вполне естественно, что статьи и рецензии молодого критика обратили на себя внимание Белинского еще до того, как они познакомились. Их мнения нередко совпадали. Нередко они писали об одних и тех же книгах, и бывало, что сходные, близкие по духу оценки появлялись в печати почти одновременно; иногда же Некрасов, писавший в газете, даже опережал Белинского, работавшего в журнале (так было, например, с критикой романа Загоскина, стихов Н. Молчанова, с откликом на "Русские народные сказки").

Ранние статьи Некрасова, его острое сатирическое перо надолго запомнились Белинскому. Так, в 1847 году он заметил в одном из писем: "... Некрасов - это талант, да еще какой! Я помню, кажется, в 42 или 43 году он написал в "Отечественных записках" разбор какого-то болгаринского изделия с такой злостью, ядовитостью, с таким мастерством, что читать наслаждение и удивление". Разбор болгаринского изделия - это и есть рецензия на "Очерки русских нравов", о которой мы только что говорили.

Сохранились и другие суждения Белинского о Некрасове-критике. Однажды, уже в годы "Современника", уговаривая Некрасова написать какую-то рецензию, Белинский напомнил ему: "... Вы писывали превосходные рецензии в таком роде, в котором я писать не могу и не умею". Имелась в виду, конечно, та свободная полубелистристическая форма, в которую облечены лучшие критические отзывы Некрасова. Белинский, писавший иначе, отдавал должное своеобразию его критической манеры.

Когда Некрасов определил наиболее важную черту своей тогдашней деятельности как "поворот к правде", он в числе мотивов, вызвавших этот "поворот", назвал писание прозой. Здесь под прозой надо разуметь не одни лишь повести и рассказы, но и некрасовскую критику, часто близкую к жанрам художественной прозы.

Судя по всему, Некрасов и сам не делал резкого различия между этими двумя видами своего раннего творчества. Чтобы убедиться в этом, стоит прочесть хотя бы отрывок из одной его рецензии, относящейся, правда, к 1847 году. Вот что пишет Некрасов о новых чертах реализма, обогативших отечественную литературу:

"Живым ключом забился в ней новый родник, из которого она прежде гнушалась черпать; цель ее стала благороднее и дельнее чем когда-либо... Отказавшись от изображения бурь и волнений, без сомнения возвышенных и глубоких, возникающих в благовонной атмосфере аристократических зал..., она не гнушается темных дел, страстей и страданий низменного и бедного мира, освещенного лучиной... Мир старух, желтых и страшных, посвятивших себя гнилому тряпью, вне которого нет для них ни интересов, ни радостей, ни самой жизни, стариков, сердитых и мрачных; женщин жалких и возмущающих, которые протягивают руку украдкой и

краснеют или делаются жертвой позора и нищеты; детей бледных и болезненных, которые дрожат и скачут от холода, выгнанные на свет божий нуждой из сырого подвала, - темен и страшен такой мир, и много надобно было нашей литературе, недавно еще щепетильной и чопорной, передумать и пережить, чтобы решиться низойти до него, - приподнять хоть немного завесу, скрывающую его мрачные тайны, - и она приподняла ее... Она сама знает, что ее теперешние герои - нередко люди, которых привычки грубы, страдания обыкновенны до пошлости, страсти неблаговоспитанны, в которых нет ничего романтического и привлекательного, скорей много отталкивающего, но она знает также, что они люди..."

Не так легко определить, кем написана эта страница - художником или критиком? Вернее будет сказать, что художник и критик соединили здесь свои усилия, чтобы мысль о новом качестве современной литературы ебешовать с помощью живой и впечатляющей картины.

Приведенный отрывок показывает, как выросла и окрепла критическая мысль Некрасова, сумевшая обнять большой и сложный литературный процесс. Недаром рецензия на альманах "Музей современной иностранной литературы", из которой взят этот отрывок, долгое время считалась принадлежащей Белинскому и даже входила в собрания его сочинений! Исследователи предполагали, что выразительное описание новой тематики, данное Белинским, имело в виду, прежде всего некрасовскую прозу; какой же другой писатель тех лет, если не автор "Петербургских углов", мог дать критику материал для этих потрясающих строк о городской нищете, впервые изображенной в русской литературе? Но позднее выяснилось, что эти строки написаны самим Некрасовым, уже имевшим к тому времени за плечами некоторый опыт работы над реалистической "петербургской" прозой {Это установил М. М. Гинв статье "Новонайденные рецензии Некрасова", в сб.: "Н. А. Некрасов. Научный бюллетень ЛГУ". Л., 1947.}. Отрывок, по-видимому, предназначался для одной из глав романа о Тростникове, но был перенесен автором в рецензию - свидетельство того, насколько условной была для Некрасова граница между художественной прозой и прозой критической.